Н. И. Ильминскій и просвѣщеніе инородцевъ.

(Къ десятилѣтію со дня смерти Н. И. Ильминскаго. † 27-го декабря 1891 г.).

> «Эмпирическимъ путемъ опыта я былъ приведенъ къ своему настоящему взгляду на способъ инородческаго обученія, въ которомъ два главныхъ пункта: 1) языкъ родной, и притомъ самый правильный, народный; 2) учитель единоплеменный съ учениками,—инородецъ»... *Ильминскій.*

Николай Ивановичъ Ильминскій—одинъ изъ тѣхъ, очень немногихъ, дѣятелей прошлаго (XIX) вѣка, имя котораго тѣсно связано съ идеею просвѣщенія нашихъ инородцевъ. Въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ *путемъ школы* онъ даже совсѣмъ не имѣетъ себѣ соперниковъ; здѣсь имя Н. И. Ильминскаго, какъ создателя цѣльной и законченной школьно-просвѣтительной системы для инородцевъ, стоитъ совершенно одиноко; противники его (въ печати ихъ немного, въ жизни—больше) сами не имѣютъ въ сущности рѣшительно никакой программы и исходятъ лишь изъ отрицанія нѣкоторыхъ пунктовъ отвергаемой ими системы Ильминскаго.

Послѣ сказаннаго можно только удивляться, почему имя Н. И. Ильминскаго въ сущности столь мало извѣстно. Объясненіе этого обстоятельства мы находимъ въ условіяхъ самой жизни нашего дѣятеля и въ характерѣ его дѣятельности.

Н. И. Ильминскій происходилъ изъ духовнаго сословія, получилъ свое образованіе въ духовныхъ школахъ и началъ свою службу въ Духовномъ-же Вѣдомствѣ. Скоро, однако, онъ принужденъ былъ выйти изъ этого Вѣдомства и, оставаясь всю жизнь свѣтскимъ человѣкомъ, служилъ больше въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, онъ стоялъ какъ-бы по срединѣ между этими двумя теченіями русской жизни. Здѣсь отчасти и причина того, почему ни то, ни другое изъ этихъ теченій не считаетъ Н. И. Ильминскаго всецѣло принадлежащимъ къ своему лагерю. Кромѣ того, вся жизнь Ильмин-

скаго была посвящена вопросамъ инородческаго просвѣщенія, т.-е. вопросамъ, далеко не пользующимся популярностью среди нашего общества.

Напомнимъ нѣсколько данныхъ изъ біографіи *) Ильминскаго. Родился онъ въ 1821 году, въ г. Пензѣ **), въ семьѣ мѣстнаго протоіерея; учился сначала въ Пензенской семинаріи, потомъ въ Казанской духовной академіи. Здѣсь онъ занимается главнымъ образомъ математикою и естествознаніемъ, и только на старшихъ курсахъ начинаетъ увлекаться языками, особенно татарскимъ, который послѣ сталъ для него почти роднымъ. Поселясь среди татаръ (въ такъ-называемой татарской слободѣ г. Казани), онъ начинаетъ посѣщать мусульманскую медресе. Это было слишкомъ необычайнымъ фактомъ для того времени; татары сначала отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, но когда увидѣли чисто научные интересы Ильминскаго и его познанія въ арабскомъ языкѣ (что̀ у мусульманъ очень цѣнится), то измѣнили свои отношенія; одинъ татарскій купецъ даже пригласилъ Ильминскаго быть репетиторомъ своего сына, что̀ дало молодому оріенталисту возможность ознакомиться съ татарскимъ семейнымъ бытомъ.

Оставленный въ 1846 году при академіи въ качествѣ баккалавра, спеціально для преподаванія татарскаго и арабскаго языковъ, Ильминскій принужденъ былъ, однако, читать студентамъ то математику, то ботанику, то исторію философіи, то еврейскій языкъ. Впрочемъ, главнымъ его занятіемъ и тогда были восточные языки. Какъ разъ въ это время издано было, по поводу массовыхъ отпаденій крещеныхъ татаръ въ мусульманство, Высочайшее повелѣніе о переводѣ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ (5-го февр. 1847 г.). Н. И. Ильминскій явился однимъ изъ первыхъ членовъ образованнаго для этой цѣли комитета. Въ 1848 и слѣдующемъ году Ильминскій, по порученію епископа Гри-

---

*) О личности и дѣятельности Н. И. Ильминскаго существуетъ довольно большая литература. Кромѣ собственныхъ его сочиненій (въ нихъ дѣятельность Ильминскаго отразилась очень широко), укажемъ на *П. Знаменскаго* въ «Исторіи Казанской дух. акад.» (Каз. 1892 г.; II вып.) и въ брошюрѣ: «На память о Н. И. Ильминскомъ», Каз. 1892 г.; *К. П. Побѣдоносцева*: «Изъ воспоминаній о Н. И. И.», въ «Русск. Вѣст.» 1892 г., II; *Витевскаго*—въ «Извѣстіяхъ по Казанской епархіи» 1892 г., IV и VI (и отдѣльно); *А. Рождествина*, «Н. И. Ильминскій и его система инородческаго образованія въ Казанскомъ краѣ». Каз. 1900 г. (перепечатка разныхъ статей изъ журналовъ; ср. рецензію въ «Русск. Школѣ» 1900 г., № 10—11); *Н. Веселовскаго*—въ «Русскомъ біографич. словарѣ».

**) Самъ Ильминскій почему-то называетъ себя, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ оберъ-прокурору Св. Синода, «орловцемъ» (см. *С. Рыбаковъ*, «Духовенство среди крещеныхъ инородцевъ». Спб., 1900 г., стр. 4).

горія, объѣзжаетъ татарскія селенія Казанской губерніи, а въ 1851 году предпринимаетъ уже съ чисто учеными цѣлями поѣздку на Востокъ: въ Египетъ, Палестину и Сирію.

Вскорѣ послѣ этой командировки для Ильминскаго начинается тяжелое положеніе, вслѣдствіе его разногласій съ ближайшимъ начальствомъ. Казанскій епископъ Аѳанасій *) обвинилъ Ильминскаго въ пристрастіи къ исламу и въ пропагандѣ его. Ильминскаго переводятъ опять на математику, но онъ, вмѣсто этого, совершенно уходитъ изъ академіи и поступаетъ на службу въ Оренбургскую пограничную коммиссію, подъ начальство извѣстнаго оріенталиста В. В. Григорьева. Здѣсь служебныя занятія отвлекали его отъ науки, но за-то дали ему возможность ознакомиться съ живымъ языкомъ киргизовъ и туркменъ.

Въ 1862 году Н. И. Ильминскій занимаетъ арабско-турецкую каѳедру въ Казанскомъ университетѣ. Въ слѣдующемъ году и Казанская академія также (вновь) приглашаетъ его на эту-же каѳедру, но черезъ годъ Ильминскій оставляетъ академію, опять изъ-за разногласій съ начальствомъ. Въ 1866 году Ильминскаго снова *заставили* читать лекціи въ академіи, но не на долго: черезъ 4 года Ильминскій окончательно покинулъ академію, а въ 1872 году оставилъ и профессуру въ университетѣ, занявъ должность директора тогда только что основанной въ Казани первой въ Россіи инородческой учительской семинаріи. Къ этому времени просвѣтительные планы Ильминскаго, тогда уже вполнѣ опредѣлившіеся, нашли себѣ сочувствіе и въ высшихъ сферахъ, между прочимъ, и въ тогдашнемъ Министрѣ Нар. Просв. Д. А. Толстомъ. Объ этомъ послѣднемъ *К. Побѣдоносцевъ* въ своихъ воспоминаніяхъ объ Ильминскомъ, между прочимъ, пишетъ: «не разъ случалось мнѣ говорить покойному гр. Толстому, что самое плодотворное дѣло его и самая важная заслуга передъ Россіей состоитъ въ томъ, что онъ уразумѣлъ и поддержалъ Н. И. Ильминскаго» (стр. 146).

Любимымъ дѣломъ Н. И. Ильминскаго въ теченіе всей его жизни было дѣло просвѣщенія инородцевъ. Ради него онъ пожертвовалъ и своей ученой карьерой: Академія Наукъ предлагала ему

*) Этого оригинальнаго пастыря проф. *Знаменскій* въ своей «Ист. Каз. дух. ак.» (вып. I, К. 1891 г., стр. 143) характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Преосвящ. Аѳанасій былъ истинно праведный человѣкъ и замѣчательно начитанный ученый, но, по своему благочестію (?), выказывалъ мало уваженія къ наукѣ и даже ко многимъ богословскимъ научнымъ изслѣдованіямъ, особенно составленнымъ подъ руководствомъ иностранныхъ ученыхъ. На богословскихъ экзаменахъ онъ нерѣдко грубо обрывалъ студента: «Чего ты тамъ плетешь? Скажи, какъ сказано объ этомъ въ св. Писаніи, мы всѣ и повѣримъ тебѣ...»

быть ея членомъ, но онъ, всецѣло ушедшій въ свои педагогическіе планы, отказался. Пылкое увлеченіе Ильминскаго своимъ дѣломъ сказалось и въ такихъ фактахъ, какъ мечты его о татарской гимназіи, о газетѣ для татаръ, о киргизскихъ школахъ въ степи, о допущеніи киргизовъ въ университеты безъ гимназическаго образованія и т. п.

Всѣ убѣжденія Ильминскаго и въ частности его просвѣтительные планы были вполнѣ самостоятельны, были выношены имъ въ душѣ и выработаны независимо отъ какихъ-либо сторонникъ вліяній. Его просвѣтительная система была, кромѣ того, еще совершенно новымъ словомъ въ данномъ дѣлѣ; она противорѣчила всѣмъ прежнимъ порядкамъ; съ другой стороны, она противорѣчила узкимъ интересамъ иныхъ духовныхъ лицъ. Всего этого было достаточно, чтобы у Н. И. Ильминскаго явились ярые враги; нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ свои нападки на его систему и до сихъ поръ, тѣмъ самымъ доказывая лишь ея глубоко-жизненное значеніе.

Сущность просвѣтительной системы Ильминскаго коротко и ясно выражена имъ самимъ въ заключительныхъ словахъ его письма отъ 1868 года *) къ редактору «Современныхъ Извѣстій», Н. П. Гиляров-Платонову. Въ системѣ этой два основныхъ пункта; во-первыхъ, обученіе инородцевъ должно происходить на ихъ-же родномъ языкѣ, и притомъ на языкѣ *народномъ* (въ противоположность книжному или искусственной попыткѣ создать такой языкъ); во-вторыхъ, учитель непремѣнно долженъ быть соплеменникомъ своихъ учениковъ, т.-е. инородцемъ-же.

Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе обоихъ этихъ требованій Ильминскаго, необходимо видѣть, въ какомъ положеніи обстояло дѣло просвѣщенія инородцевъ до него.

Если заглянуть въ исторію прежнихъ вѣковъ, какъ Россіи, такъ и Европы вообще, то въ приведенныхъ мысляхъ Ильминскаго мы найдемъ не много новаго. Св. Стефанъ Велико-Пермскій, св. Гурій Казанскій и много другихъ древнерусскихъ подвижниковъ не сомнѣвались, что проповѣдь христіанства инородцамъ должна происходить на языкѣ этихъ послѣднихъ. Даже болѣе: въ дѣятельности названныхъ просвѣтителей Пермскаго и Казанскаго края мы имѣемъ образцы совершеннѣйшей миссіи, которая ничуть не преслѣдуетъ какихъ-либо внѣшнихъ или сторонникъ цѣлей, а которая всецѣло приноситъ себя въ жертву интересамъ данной народности—

*) Письмо это въ свое время напечатано не было и увидѣло свѣтъ лишь недавно, въ брошюрѣ: «Неизданное письмо Н. И. Ильминскаго о способахъ обученія инородцевъ» (Спб. 1900), откуда мы его и цитуемъ. Слова изъ этого письма приведены нами въ эпиграфѣ къ настоящей статьѣ.

желанію возродить малокультурную народность, пріобщивъ ее къ возвышенной христіанской культурѣ, но возродить на ея-же собственной почвѣ, ничуть не отнимая у нея ни языка, ни другихъ чертъ народности *).

Касательно другого пункта системы Ильминскаго мы имѣемъ классическій примѣръ въ дѣятельности папы Григорія Великаго. Задавшись цѣлью просвѣтить англо-саксонскую націю, этотъ папа избираетъ для этого не кого другого, какъ англо-саксонца-же Винфрида (Бонифація), котораго онъ и возвысилъ изъ доли раба до положенія примаса католической церкви. Менѣе яркихъ примѣровъ такого рода изъ исторіи западныхъ церквей мы могли-бы привести десятки.

Такъ обстояло дѣло въ древности. Но для Россіи XIX вѣка (таковы историческія судьбы многихъ идей!) мысли Ильминскаго были новы и удивительны. Онѣ были цѣлымъ открытіемъ, которое, какъ это всегда бываетъ съ новыми открытіями, медленно и туго входило въ сознаніе современниковъ и не получило общаго признанія даже и до сихъ поръ.

Русская инородческая миссія въ XVIII и началѣ XIX вѣка носила странный характеръ. Чиновническій и полицейскій авторитъ и давленіе, а также льготы новообращеннымъ были въ сущности единственными мѣрами къ христіанскому просвѣщенію инородцевъ. Самая цѣль миссіи понималась черезчуръ узко; она сводилась въ сущности къ цѣли *крещенія* инородцевъ: разъ обрядъ крещенія былъ совер-

*) Какъ извѣстно, св. Стефанъ Пермскій создалъ для зырянъ даже особое письмо. Очень близкій къ этому идеалъ миссіи рисовалъ покойный сибирскій публицистъ *Ядринцевъ*: «цѣлью образованія инородцевъ должно быть внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его», т.-е. развитіе въ инородцахъ народнаго самосознанія («Сибирскіе инородцы», стр. 241). Критику миссіонерскихъ подвиговъ св. Стефана мы встрѣчаемъ въ лицѣ казанскаго профессора *Смирнова*; приведя цитованныя нами слова Ядринцева и сказавъ, что отъ этихъ симпатичныхъ пожеланій «вѣетъ кабинетомъ», г. Смирновъ продолжаетъ: «Опытъ въ этомъ родѣ былъ произведенъ пять вѣковъ тому назадъ св. Стефаномъ Велико-Пермскимъ; самостоятельная культура, которую онъ привилъ пермякамъ, исчезла у нихъ въ теченіе столѣтія: памятниками алфавита осталось нѣсколько надписей на иконахъ; изъ переведенныхъ книгъ не уцѣлѣло ни одной; тепличное растеньице, посаженное св. Стефаномъ, оказалось неспособнымъ къ жизни на свободѣ» («Обрусѣніе инородцевъ и задачи обруситель-ной политики», въ «Истор. Вѣстн.» 1892, мартъ, стр. 761—762). Проф. Смирновъ забываетъ, какое вліяніе могла и должна была имѣть на пермяковъ окружающая ихъ «пять вѣковъ тому назадъ» обстановка, особенно при отсутствіи сколько-нибудь достойныхъ преемниковъ св. Стефана; къ нашему времени примѣръ этотъ не приложимъ: теперь *все* толкаетъ инородцевъ на путь культуры, какъ прежде все ихъ отталкивало отъ этого пути.

*

шенъ, дѣло миссіи считалось законченнымъ. Казанскій губернаторъ Розовъ, разслѣдовавшій причины массового отпаденія крещеныхъ инородцевъ въ исламъ, доносилъ (еще въ 1866 году): «Священники не дѣлаютъ ничего къ христіанскому образованію инородцевъ... Они совершенно упускаютъ изъ виду христіанское просвѣщеніе и нравственное исправленіе прихожанъ» *).

Въ другихъ мѣстахъ въ приходы съ инородческимъ населеніемъ посылались провинившіеся въ чемъ-либо священники, въ качествѣ наказанія, а также священники съ низшимъ по сравненію съ обычнымъ образованіемъ **).

Излишне говорить, что при описанномъ положеніи миссіонерскаго дѣла никто и не думалъ о необходимости для священниковъ знать мѣстные инородческіе языки, или о желательности священниковъ и учителей изъ среды самихъ инородцевъ и о необходимыхъ для этого инородческихъ школахъ.

Плоды такого печальнаго состоянія миссіи были очень ярки. Такъ, въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемся, напримѣръ, съ такими фактами, что во время Пугачевскаго бунта крещеные вотяки ограбили выстроенныя для нихъ церкви, перевѣшали почти всѣхъ жившихъ между ними священно-церковнослужителей, а сами открыто возвратились къ язычеству ***). На протяженіи XIX вѣка мы видимъ многочисленныя массовыя отпаденія крещеныхъ инородцевъ въ исламъ (не прекратившіяся еще и до сихъ поръ ****) и множество

---

*) *Ильминскій*, «Казанская центральная крещено-татарская школа. Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ», Казань. 1887, стр. 302—303.

**) См. нашу замѣтку: «Язычество въ Вятской губерніи», въ журн. «Жизнь», 1900, XII, стр. 399.

***) *П. Лупповъ*, «Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историч. извѣстій о нихъ до XIX вѣка», гл. XVI.

****) Очень характерную картину на этомъ фонѣ рисуетъ предъ нами брошюра *С. Рыбакова*: «Русское просвѣщеніе и магометанская пропаганда въ селѣ Б. Гондырѣ» (Спб. 1900). Здѣсь мы наглядно видимъ, что наша миссія такъ привыкла къ содѣйствію со стороны полицейскихъ властей, что безъ такого рода помощи оказывается совсѣмъ безсильною. Въ названномъ селѣ Пермской губ. мы находимъ, повидимому, самыя благопріятныя условія для побѣды православія надъ исламомъ: добрые люди создали здѣсь великолѣпную церковь и не менѣе великолѣпную школу съ домами для священнослужителей; но какъ только свѣтскою властью дозволено было выстроить здѣсь мечеть, гондырскіе вотяки, тѣ самые гондырскіе вотяки, которые три года назадъ отвели въ даръ (правда, «при содѣйствіи» также земскаго начальника) три десятины земли подъ православную школу-церковь,—отвернулись теперь отъ этой церкви и школы, и татаро-магометанская культура видимо одержала въ этомъ уголку Пермскаго края несомнѣнный перевѣсъ надъ русской культурой»...

случаевъ открытаго сопротивленія крещеныхъ инородцевъ духовнымъ властямъ *).

О переводахъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, тѣмъ менѣе какихъ-либо иныхъ, никто не думалъ и не заботился. На протяженіи XVIII вѣка намъ извѣстенъ лишь одинъ случай **), предпринятый по частной иниціативѣ: крещеный татаринъ Шендяковъ представилъ въ 1785 году въ Святѣйшій Синодъ сдѣланный имъ татарскій переводъ Евангелія отъ Матѳея. Переводъ сдѣланъ былъ неумѣло, и признанъ Св. Синодомъ безполезнымъ ***). Нѣсколько попытокъ инородческихъ переводовъ мы встрѣчаемъ въ самомъ началѣ XIX вѣка (вызваны онѣ указомъ Св. Синода отъ 22-го января 1803 года); позднѣе появляются переводы Библейскаго Общества... Но всѣ эти попытки были неудачными и практическаго значенія не имѣли рѣшительно никакого. Здѣсь мы встрѣчаемся съ страннымъ заблужденіемъ: переводы совершались не на *народные* инородческіе языки, а на какую-то тарабарскую смѣсь языковъ; старались создать литературный, книжный языкъ даннаго племени, или-же пользовались (для татарскихъ переводовъ) существующимъ нарѣчіемъ небольшой кучки образованныхъ представителей данной народности. Объ упрощеніи самаго текста книгъ, о необходимости приспособленія къ чисто конкретному, малоспособному къ отвлеченностямъ, мышленію и къ наивному міросозерцанію инородцевъ не было и помина ****) Въ заключеніе часто оказывалось, что переводы понятны почти однимъ только переводчикамъ и больше никому.

Этому ложному взгляду на инородческіе переводы поддался на

---

*) Послѣднее набюдается особенно въ Вятской губерніи, гдѣ духовенство, совокупно съ полиціею, часто является на многолюдныя языческія моленія вотяковъ и черемисъ, чтобы воспрепятствовать совершенію этихъ моленій.

**) См. «Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ», *Ильминскаго*, Каз. 1883. Это обстоятельство требуетъ отъ насъ самаго критическаго отношенія къ извѣстіямъ о существовавшихъ будто-бы въ XVIII вѣкѣ инородческихъ школахъ. Имѣются два такихъ извѣстія: о Казанской школѣ (подъ 1786 годомъ, въ «Топографическомъ описаніи Казани» Д. Зиновьева) и о новокрещенской Елабужской школѣ. Сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній о нихъ нѣтъ; какъ происходило преподаваніе въ нихъ, при полномъ отсутствіи инородческихъ книгъ, неизвѣстно.

***) Переводъ оказался непонятнымъ для казанскихъ татаръ. Ильминскій находитъ возможнымъ предполагать, что онъ сдѣланъ былъ на какое-нибудь изъ кавказскихъ нарѣчій («Опыты переложенія» etc.).

****) На почвѣ такихъ-же переводовъ стоитъ г. *Дидо* (въ «Русской Школѣ» 1900 г., IX, стр. 166), когда утверждаетъ: «Мысль переводить священное писаніе на вотскій языкъ должна быть оставлена, какъ безплодная и даже *вредная* (!), такъ какъ въ бѣдномъ вотскомъ языкѣ недостаетъ очень многихъ словъ, соотвѣтствующихъ славянскимъ».

первыхъ порахъ своей дѣятельности и Н. И. Ильминскій. Изъ своей поѣздки 1848—1849 гг. по татарскимъ селеніямъ Казанской губерніи онъ выноситъ убѣжденіе, что народный татарскій языкъ бѣденъ для выраженія на немъ истинъ христіанской вѣры, но что, съ другой стороны, книжный языкъ татаръ наполненъ арабскими и персидскими выраженіями. Вскорѣ однако Ильминскій перемѣнилъ первое изъ этихъ мнѣній. Въ своемъ письмѣ 1868 года онъ говоритъ о томъ пути, который привелъ его къ предпочтенію народнаго языка предъ книжнымъ. Это тоже былъ «путь опыта». Изученіе инородческой жизни показало Ильминскому, что безграмотные, живущіе въ захолустьяхъ татары говорятъ «правильнымъ и даже болѣе чистымъ языкомъ, нежели образованные магометане»; а послѣ, среди полудикихъ кочевыхъ киргизовъ, онъ «*съ изумленіемъ*» нашелъ хорошихъ говоруновъ и даже импровизаторовъ». Тогда только Н. И. Ильминскій «способенъ сталъ *по достоинству* (курсивъ подлинника) оцѣнить и языкъ безграмотныхъ крещеныхъ татаръ». Насколько эти взгляды были новы для того времени, видно изъ того, что Ильминскаго заподозрили за нихъ въ склонности къ мусульманству и даже въ пропагандѣ религіи Магомета.

Второй основной пунктъ системы Ильминскаго тѣсно связанъ съ первымъ, и, повидимому, еще болѣе ясенъ и очевиденъ, нежели первый. Что лучшими дѣятелями на почвѣ просвѣщенія каждаго народа будутъ представители этого-же народа, и только они одни, съ ихъ совершеннымъ знаніемъ даннаго инородческаго языка, знаніемъ всей жизни и міросозерцанія инородцевъ, съ ихъ общею близостью къ этимъ послѣднимъ,—разумѣется, при соотвѣтствующемъ образованіи,—мысль эта, казалось-бы, слишкомъ проста, чтобы возбуждать какія-либо сомнѣнія. Между тѣмъ ни одно изъ мнѣній Н. И. Ильминскаго не подвергалось (и не подвергается) столькимъ нападкамъ и критикѣ, какъ именно пунктъ его системы о единоплеменности учителя съ учениками. Дѣйствительныя причины этой горячей критики прозрѣлъ и указалъ, впрочемъ, еще самъ Ильминскій; въ одномъ изъ своихъ писемъ къ оберъ-прокурору Св. Синода *) онъ говоритъ: «Приходское сельское духовенство недовольно тѣмъ, что отъ него, т.-е. отъ поколѣнія русскаго духовнаго *сословія*, отнимаютъ мѣста въ инородческихъ приходахъ **)». Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ система Ильминскаго натолкнулась прежде всего на узко-сословные взгляды мѣстнаго духовенства. Это обстоятельство сказывается и до сихъ поръ. Духовный журналъ «Миссіонерское

*) Письма эти изданы отдѣльной брошюрой.

**) Письмо отъ 3-го февраля 1891 года.

Обозрѣніе» еще въ 1899 году *) обвинялъ преемниковъ Ильминскаго въ томъ, будто они присваиваютъ себѣ непринадлежащія права, причемъ подъ этими «непринадлежащими правами» журналъ разумѣетъ прежде всего именно «назначеніе въ инородческія мѣстности учителей и священниковъ изъ среды инородцевъ».

Другіе вооружаются противъ этого пункта системы Ильминскаго, исходя изъ обрусительныхъ тенденцій. Они видимо боятся развитія въ инородцахъ того національнаго самосознанія, о которомъ мечталъ Ядринцевъ, совпадая въ этомъ случаѣ съ характеромъ дѣятельности св. Стефана Пермскаго. Мотивы такого рода сильно сквозятъ еще даже въ докладахъ и преніяхъ на самарскомъ «съѣздѣ дѣятелей и руководителей инородческаго просвѣщенія» въ августѣ 1899 года, особенно въ докладѣ о. Смирнова 25-го августа.

Исторически всѣ эти нападки на второй пунктъ просвѣтительной системы Ильминскаго покажутся для насъ болѣе понятными, если мы припомнимъ трагическій конецъ замѣчательной личности Джорджи Банзарова. Сынъ полудикаго бурята, Дж. Банзаровъ получилъ (случайно) высшее образованіе (въ Казанскомъ университетѣ), выступилъ уже съ солидными трудами на научномъ поприщѣ и оказался истиннымъ ученымъ по призванію. При нѣкоторой поддержкѣ и благопріятныхъ условіяхъ изъ этого замѣчательнаго бурята вышелъ-бы выдающійся оріенталистъ, въ какихъ, кстати замѣтить, Россія такъ сильно нуждается и нуждалась. Но для талантливаго ученаго бурята не нашли никакой другой роли, кромѣ бюрократической Состоя чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Сибири, Дж. Банзаровъ запилъ, сбился съ пути и погибъ (въ 1855 году). Таковы были тогда отношенія къ инородцамъ даже и въ столь исключительныхъ случаяхъ!

II.

Собственныя слова Н. И. Ильминскаго **) въ его, не разъ уже цитованномъ нами, письмѣ Гилярову-Платонову даютъ намъ полное право ограничивать основныя положенія его просвѣтительной системы тѣми двумя пунктами, объ историческомъ значеніи которыхъ мы говорили выше. Обычно систему Ильминскаго понимаютъ нѣсколько иначе. Къ двумъ нашимъ пунктамъ прибавляютъ еще третій, и даже ставятъ его на первый планъ. Это—религіозно-миссіонерское на-

*) Ст. «Къ вопросу о болѣе желательной и цѣлесообразной постановкѣ церковно-приходской и школьной миссіи среди населенія инородческаго средняго Поволжья».

**) См. эпиграфъ.

правленіе въ инородческихъ школахъ и сообразная съ нимъ школьная программа, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ Законъ Божій и церковное пѣніе. Дѣйствительно, Н. И. Ильминскій часто говоритъ въ своихъ статьяхъ и письмахъ о необходимости и о значеніи религіозно-миссіонерскаго направленія въ инородческихъ школахъ. Но это было прямымъ плодомъ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ началъ и продолжалъ свое дѣло. Тогда было время массовыхъ отпаденій крещеныхъ инородцевъ (черемисъ, вотяковъ и др.) въ исламъ. Эти отпаденія послужили и главнымъ поводомъ къ самой постановкѣ вопроса объ инородческихъ школахъ. Въ послѣднихъ видѣли простое орудіе для противодѣйствія мусульманской пропагандѣ. Неудивительно, что инородческія школы Ильминскаго явились школами съ узко-миссіонерскимъ характеромъ. Это обстоятельство имѣло громадное историческое значеніе: успѣхъ миссіонерскихъ школъ Ильминскаго доказалъ, что лучшимъ средствомъ для христіанской миссіи или для борьбы съ иновѣрною пропагандою можетъ быть только *школьное* просвѣщеніе инородцевъ *). *Принципіальнаго*-же значенія въ своей просвѣтительной системѣ школьной «программѣ» (теперь принятой въ инородческихъ и церковныхъ школахъ) не придавалъ и самъ Н. И. Ильминскій; да и не могъ сдѣлать этого по своимъ педагогическимъ убѣжденіямъ. Какъ педагогъ, Н. И. Ильминскій былъ врагомъ всякихъ программъ въ живомъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія **). Его слова: зачѣмъ стѣснять опредѣленнымъ какимъ-нибудь типомъ и программой самыя первоначальныя школы грамотности? *Пусть учатъ и учатся, кто какъ и насколько можетъ*, лишь-бы было правильное ученіе православное и доброй нравственности...» ***) не оставляютъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. О своей Казанской крещенотатарской школѣ самъ Ильминскій пишетъ: «въ школѣ нѣтъ никакихъ искусственныхъ формъ и формальной выправки... Простота отношеній простирается и на родителей, и даже на постороннихъ крещеныхъ татаръ, которые могутъ прямо пріѣзжать въ школу и жить въ ней дня два или три»... ****). Къ этому проф. Знаменскій прибавляетъ: «программа курса въ Казанской школѣ была такъ-же

*) Раньше господствовало противоположное мнѣніе; оно сильно и теперь: еще такъ недавно Пермскій миссіонерскій Комитетъ сталъ проповѣдывать, что «просвѣтительное дѣло всего успѣшнѣе можетъ быть двинуто не путемъ школъ, а путемъ организаціи миссіонерской проповѣди и собесѣдованій среди инородцевъ» (*С. Рыбаковъ*, «Просвѣщеніе инородцевъ въ Пермск. губ.». Спб. 1901 г., стр. 6).

**) Ср. *Рыбаковъ*, «Исламъ и просвѣщеніе инородцевъ въ Уфимской губ.». Спб. 1900 г., стр. 21.

***) Ibid., стр. 22.

****) «Казанская крещено-татарская школа», стр. 214.

свободна, какъ и школьная дисциплина. *Кто что могъ по своимъ способностямъ, къ чему чувствовалъ склонность, то и училъ.* Не было въ школѣ ни опредѣленныхъ наукъ, ни раздѣленія классовъ, ни другихъ формальныхъ ограниченій *полной свободы ученическихъ занятій.* Широта курса для каждаго почти ученика была особая» *) и еще: «основатели школы даже намѣренно старались уклониться отъ вліянія на нее разныхъ учебныхъ вѣдомствъ и удерживать за ней характеръ школы частной, школы В. Тимоѳеева (учителя-татарина), чтобы устранить отъ нея всякое покушеніе на ея свободу и естественность и всякій признакъ школы казенной» **). Даже Казанская учительская семинарія, во время директорства въ ней Ильминскаго, «не подходила, по увѣренію г. *Рыбакова* ***), ни подъ какой уставъ другихъ семинарій».

Основываясь на этихъ (почти идеальныхъ,—такъ далека отъ нихъ большая часть современныхъ дѣятелей на почвѣ инородческаго просвѣщенія, считающихъ себя преемниками Ильминскаго и даже носителями его завѣтовъ!) педагогическихъ воззрѣніяхъ Ильминскаго, мы смѣло можемъ смотрѣть на школьную программу Ильминскаго, которою теперь пользуются церковно-приходскія школы, равно и на разрѣшеніе имъ нѣкоторыхъ другихъ практическихъ вопросовъ инородческаго обученія, какъ на пункты второстепенные, не относящіеся къ существенной сторонѣ его просвѣтительной системы. Оставивъ въ сторонѣ эти пункты, мы остановимся лишь на двухъ существенныхъ вопросахъ практическаго характера, съ которыми неминуемо приходится сталкиваться при проведеніи въ жизнь изложенной нами системы. Это прежде всего вопросъ о подготовкѣ учителей-инородцевъ, и, во-вторыхъ, вопросъ о характерѣ переводовъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки.

На успѣшное разрѣшеніе перваго изъ этихъ вопросовъ Н. И. Ильминскій натолкнулся опять-таки на почвѣ опыта. Онъ самъ такимъ образомъ разсказываетъ о началѣ своего любимаго дѣтища—Казанской крещено-татарской школы: «случай свелъ меня съ однимъ старо-крещенымъ татариномъ, который получилъ въ сельскомъ училищѣ маленькое русское образованіе, возъимѣлъ усердіе къ православной вѣрѣ и желаніе болѣе и болѣе узнать ея содержаніе. Этотъ человѣкъ сталъ обучать мальчиковъ своихъ земляковъ, сначала двоихъ-троихъ; потомъ съ каждымъ ѳодомъ число его учениковъ сильно возрастало: это наша Казанская школа крещено-татарскихъ

*) «Исторія Казанск. духовн. академіи», вып. II, стр. 468.
**) Ib., стр. 465.
***) Цитованная выше брошюра, стр. 21.

дѣтей» *). Эта школа явилась первымъ и богатѣйшимъ разсадникомъ инородческихъ учителей изъ среды инородцевъ.

Оффиціальное открытіе крещено-татарской школы въ Казани относится къ 1864 году. Тогда въ школѣ было тридцать учениковъ, въ томъ числѣ одна дѣвочка. Но черезъ пять лѣтъ число учениковъ возросло уже до 117. Учениками были исключительно татарчата, какъ мальчики, такъ и дѣвочки. Съ 1866 года изъ этой школы стали выходить уже учителя, которые занимались обученіемъ татарскихъ дѣтей въ деревняхъ. Эти маленькія школы были какъ-бы колоніями Казанской школы, ставшей въ собственномъ смыслѣ «центральною». Создавались онѣ по образцу и типу своей метрополіи. Въ 1869 году мы видимъ уже 27 такихъ колоній въ разныхъ мѣстахъ Казанской губерніи **). Вскорѣ возникла, по образцу-же Казанской, чувашская центральная школа въ г. Симбирскѣ, а потомъ центральная вотская школа въ с. Карлыганѣ, Уржумскаго у., Вятской губ. Цѣлью этихъ школъ была также подготовка учителей изъ инородцевъ.

О постановкѣ дѣла въ Казанской крещено-татарской школѣ мы много говорили уже выше. Здѣсь дополнимъ слѣдующее ***). Одною изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія въ этой школѣ было—не отрывать воспитанниковъ отъ того быта, изъ котораго они вышли и среди котораго должны потомъ жить и развивать собственное просвѣтительное вліяніе; потому она никакъ не должна была допускать въ своемъ воспитательномъ строѣ ни чуждой этому быту обстановки, ни даже искусственной школьной дисциплины (Знаменскій, стр. 465). Языкомъ преподаванія въ школѣ былъ исключительно татарскій языкъ; русскій языкъ былъ поставленъ, какъ одинъ изъ учебныхъ предметовъ, который ученики усвояли также чрезъ посредство своего роднаго языка. Учителемъ школы былъ татаринъ Тимоѳеевъ. Объ отсутствіи въ учебномъ дѣлѣ всякаго рода программъ мы уже говорили выше. Родителямъ учениковъ предоставлена была полная свобода приводить дѣтей въ школу и уводить изъ нея, когда имъ угодно и удобно.

Оригинальная постановка Казанской школы возбудила было не-

*) «Неизданное письмо Н. И. Ильминскаго», Спб. 1900, стр. 7.

**) По словамъ *К. Побѣдоносцева*, число школъ, которыя «пошли и утвердились отъ Казанской школы», къ концу 1891 года равнялось 128; въ томъ числѣ: 49 чувашскихъ, 7 вотскихъ, 4 черемисскихъ и прочія—татарскія. («Изъ воспом. о Н. И. И.»).

***) Подробныя свѣдѣнія о школѣ можно найти въ книгѣ Ильминскаго: «Казанская центральная крещено-татарская школа» (Казань, 1887), откуда мы и заимствуемся, пользуясь также сжатою и яркою характеристикою проф. *П. Знаменскаго* въ «Ист. Каз. дух. академіи», вып. II.

довѣріе въ высшихъ сферахъ, а «иныхъ даже смущала видимымъ нарушеніемъ государственнаго принципа». Противъ нея писались оффиціальныя постановленія ученыхъ учрежденій и печатались статьи въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» *). Скоро, однако-же, недоумѣнія разрѣшились. Казанская школа заслуженно пріобрѣла громкую извѣстность и всеобщее сочувствіе, и въ 1870 году оффиціально принята была за образецъ инородческихъ школъ вообще.

Другой вопросъ практическаго характера, служившій предметомъ не меньшаго вниманія со стороны Н. И. Ильминскаго, именно о переводахъ книгъ на инородческіе языки. Ему посвящено нѣсколько печатныхъ трудовъ Ильминскаго: «О переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки,—практическія замѣчанія» (Казань, 1875); «Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и др. инородческіе языки въ началѣ настоящаго столѣтія» (Каз., 1883); «Изъ переписки по поводу примѣненій русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ» (Казань, 1883) и нѣкоторые другіе. Здѣсь Н. И. Ильминскій является, во-первыхъ, защитникомъ *народныхъ* языковъ, о чемъ мы говорили уже выше; во-вторыхъ, приверженцемъ «психологическаго и субъективнаго» (въ противоположность механическому) метода. «Переводить какъ можно проще, прямѣе, естественнѣе, *объяснительнѣе и примѣнимѣе къ быту, положенію и пониманію инородца*» было его девизомъ. Согласно съ такими принципами, Ильминскій требовалъ отъ переводчика упрощенія самаго текста, разъ онъ труденъ для инородцевъ. Онъ возмущался переводчиками, которые переводили русскій текстъ «со всѣми пріемами церковнаго краснорѣчія, съ сложными и утонченными доказательствами, съ искусственными украшеніями слога», и еще болѣе, конечно, тѣми переводами, гдѣ сохранялась русская конструкція, русскіе обороты рѣчи.

Какъ эти принципы Ильминскаго, такъ и прошедшіе чрезъ его руки многочисленные переводы на инородческіе языки, кажется, никогда не устарѣютъ.

III.

Дать сколько-нибудь полную оцѣнку жизненнаго и общаго значенія просвѣтительной системы Ильминскаго на основаніи фактическихъ данныхъ въ настоящее время невозможно. Для этого мы обладаемъ слишкомъ ничтожнымъ матеріаломъ, и притомъ матеріаломъ отрывочнымъ и разрозненнымъ. Гдѣ, среди какихъ инородцевъ и насколько полно примѣняется система Ильминскаго? Какіе результаты

*) Знаменскій, стр. 466.

дало это примѣненіе? Въ отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ лишь нѣсколько неполныхъ и отрывочныхъ замѣчаній.

Предъ нами, напр., отчеты Вятскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Изъ наиболѣе полнаго изъ нихъ (за 1897 годъ) мы узнаемъ, что Комитетомъ содержится въ губерніи 57 инородческихъ школъ (изъ нихъ 20—школы грамоты) съ 1.985 учащимися (въ томъ числѣ 224 русскихъ); узнаемъ кое-какія свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ учащихъ (интересны цыфры: 28—окончившихъ курсъ Казанской крещено-татарской школы, 3—учились въ Казанской инородческой семинаріи, 16—учились въ церковно-приходскихъ и земскихъ школахъ), но о племенномъ составѣ учащихъ не находимъ ни полслова. Намъ лично извѣстно, впрочемъ, что въ центральной Карлыганской *вотской* школѣ этой губерніи, цѣль которой—подготовка учителей для вотяковъ, болѣе половины учениковъ русскіе, и самая школа расположена въ мѣстности, гдѣ вотяковъ почти совсѣмъ нѣтъ. Иванъ Михеевъ, имѣющій, кажется, непосредственное отношеніе къ дѣлу просвѣщенія инородцевъ, сообщаетъ *) что въ Казанской учительской семинаріи за все время ея существованія окончили курсъ 26 вотяковъ, что учителей изъ вотяковъ всего до 70 и священниковъ—4. Цыфры, слишкомъ ничтожныя для народности, насчитывающей только въ предѣлахъ одной Вятской губерніи свыше 390 тысячъ человѣкъ! Тотъ-же г. Михеевъ сообщаетъ, что елабужскіе вотяки до самаго послѣдняго времени были совсѣмъ незнакомы съ книгами на родномъ языкѣ **).

Касательно языка преподаванія въ школахъ Вятскаго миссіонерскаго Комитета мы находимъ слѣдующее замѣчаніе въ отчетѣ за 1898 годъ: «Курсъ обученія въ инородческихъ школахъ 4-хъ-годовой. Въ 1-й годъ обученія преподаваніе ведется на инородческомъ языкѣ; во 2-й и 3-й годы на инородческомъ-же, но съ переводомъ на русскій и обратно, и только въ 4-й годъ на одномъ русскомъ языкѣ, а потому дѣтямъ, поступившимъ въ школу безъ знанія русскаго языка, трудно въ четыре, или, вѣрнѣе, въ 4-й годъ изучить свободно разговорную русскую рѣчь, которая оставляетъ желать лучшаго, нисколько, впрочемъ, не ослабляя успѣховъ школьнаго дѣла».

Въ Уфимской губерніи, по сообщенію г. Рыбакова, система Н. И. Ильминскаго примѣняется «съ 1872 года—въ такъ называемыхъ миссіонерскихъ школахъ и въ нѣкоторыхъ церковно-приход-

*) «Русская Школа» 1900, V—VI, стр. 200, въ статьѣ: «Вотскіе переводы и учителя».

**) Ibid., стр. 194.

скихъ школахъ» *), въ Пермскомъ краѣ—въ 12 черемисскихъ школахъ **).

Гораздо чаще мы встрѣчаемъ упоминанія о примѣненіи *программъ* Ильминскаго и о религіозно-церковномъ направленіи школъ, съ преобладаніемъ въ нихъ Закона Божія и церковнаго пѣнія. Между прочимъ, въ Вятской губерніи ревизоръ отъ Св. Синода г. Износковъ нашелъ отступленія отъ этой программы нежелательными ***). Во всѣхъ этихъ случаяхъ расточаются обильныя похвалы миссіонерскому значенію школъ для инородцевъ. Мы нигдѣ не встрѣчали даже указаній на трудность изученія инородцами молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ и этого послѣдняго языка вообще, а между тѣмъ трудность эта внѣ сомнѣнія.

Съ нѣсколько новымъ явленіемъ на этой почвѣ мы встрѣчаемся въ предѣлахъ Уфимской губерніи. Въ 1882 году здѣсь возникла министерская школа въ г. Бирскѣ, имѣющая своею цѣлью подготовлять учителей для черемисскихъ, чувашскихъ и вотскихъ училищъ мѣстнаго края. Этою школою примѣняется нѣсколько иная система инородческаго просвѣщенія, которую г. Рыбаковъ называетъ, въ противоположность системѣ Ильминскаго, «системою Министерства Нар. Просв.». Для знакомства съ этою послѣднею системою мы принуждены воспользоваться изложеніемъ г. Рыбакова, хотя послѣдній видимо не сочувствуетъ этой системѣ и является здѣсь, кажется, не вполнѣ объективнымъ. «Министерская система инородческаго просвѣщенія имѣетъ въ виду религіозную цѣль—противопоставить религіозной мусульманской мектебе начальную школу среди язычниковъ съ религіознымъ христіанскимъ характеромъ. Но эта цѣль видимо не поставлена съ достаточною силою, и если угодно, *исключительностью*, на достаточно первенствующій планъ. Правда, въ Бирской инородческой учительской школѣ Законъ Божій преподается и для учениковъ язычниковъ, какъ это мы читаемъ въ отчетѣ о состояніи этой школы за 1895 г., но только какъ одинъ изъ предметовъ. До послѣдняго времени школа не призывала открыто ко крещенію «въ видахъ *осторожнаго воздѣйствія на религіозное чувство*... язычниковъ, не рѣшаясь посягать въ своихъ стѣнахъ на прозелитизмъ» ****).

Въ этомъ сказалось благоразумное, конечно, стремленіе къ постепенному воздѣйствію на религіозное чувство инородцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и боязнь лишиться учащихся явнымъ

*) «Исламъ и просвѣщ. инор. въ Уф. г.», стр. 16.

**) *Рыбаковъ*, «Просвѣщеніе инор. въ Пермск. г.», стр. 2.

***) Отчетъ за 1897 годъ.

****) Стр. 74.

провозглашеніемъ имени Христа и Его ученія. Но успѣхамъ миссіонерскихъ школъ, дѣйствующихъ при тѣхъ-же условіяхъ, среди тѣхъ-же язычниковъ, не препятствуетъ не столь «осторожное» провозглашеніе религіозныхъ цѣлей.

Программа школы полна благихъ намѣреній относительно религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся, будущихъ народныхъ учителей. «Педагогическій Совѣтъ смотритъ на инородческое образованіе, какъ на способъ перевоспитать инородцевъ, усвоить имъ правильное и цѣльное понятіе о христіанствѣ, внушить имъ искреннюю любовь къ этой вѣрѣ, словомъ, сдѣлать ихъ иными людьми»... «Питомцы школы и сами въ своихъ начальныхъ училищахъ должны посредствомъ *своего родного языка* пробудить и развить таящіеся въ язычникахъ *общечеловѣческіе* зачатки религіозности и мысли, религіозно-нравственнымъ направленіемъ привлечь къ себѣ довѣріе и любовь населенія» *).

Но уже изъ отчета инспектора народныхъ училищъ Бирскаго уѣзда объ инородческихъ школахъ, въ которыхъ учительствуютъ питомцы Бирской учительской школы, за 1888—1889 уч. годъ, видно, что рядомъ съ преподаваніемъ Закона Божія, христіанской религіозности, школы стремятся *успѣшно* научить дѣтей инородцевъ русской рѣчи и грамотѣ, при чемъ отчетъ добавляетъ, что «черемисы и вотяки такую только школу считаютъ хорошей и въ такую только школу охотно помѣщаютъ своихъ дѣтей» **). Дальше г. Рыбаковъ обвиняетъ эти школы въ обрусительныхъ тенденціяхъ.

Приведенная нами характеристика «министерской» системы инородческаго просвѣщенія прошла чрезъ призму взглядовъ человѣка, считающаго себя горячимъ послѣдователемъ системы Ильминскаго и вмѣстѣ ратующаго за *исключительность* христіанско-миссіонерскаго характера инородческихъ школъ. Тѣмъ не менѣе изъ приведенной выдержки мы можемъ получить понятіе о новыхъ вѣяніяхъ новой системы. Этотъ отказъ отъ исключительности въ религіозно-церковномъ направленіи школъ, связанный съ отказомъ отъ прозелитизма, эта *осторожность* воздѣйствія на религіозное чувство язычниковъ—все это какъ нельзя болѣе желательно ***). Намъ представляется очень сомнительнымъ утвержденіе г. Рыбакова, что отсутствіе такой *осторожности* не препятствуетъ успѣхамъ миссіонер-

*) Стр. 74.

**) «Исламъ и просвѣщеніе инородцевъ въ Уфимской губерніи». Спб. 1900, стр. 17—18.

***) *Принципіальнаго* противорѣчія системѣ Ильминскаго во всемъ этомъ еще нѣтъ, какъ читатель и можетъ убѣдиться изъ предъидущаго изложенія нами основъ этой системы.

скихъ школъ. Къ обвиненіямъ новой системы со стороны г. Рыбакова въ обрусительныхъ тенденціяхъ мы также находимъ нужнымъ относиться скептически. По крайней мѣрѣ, такимъ тенденціямъ прямо противорѣчатъ приведенныя нами слова программы Бирской школы: «посредствомъ *своего родного языка* пробудить и развить таящіеся въ язычникахъ общечеловѣческіе зачатки религіозности и мысли». Правда, ниже г. Рыбаковъ сообщаетъ, что «въ большинствѣ министерскихъ инородческихъ школъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ», причемъ добавляетъ, что «такъ какъ населеніе почти не знаетъ этого языка, то не существуетъ и не можетъ существовать близкой связи между школою и населеніемъ» *). Но если преподаваніе на русскомъ языкѣ идетъ только навстрѣчу желаніямъ мѣстныхъ инородцевъ **), то отсюда до нежелательныхъ обрусительныхъ тенденцій еще далеко.

Въ общемъ о примѣненіи системы Ильминскаго мы должны сказать словами того-же Рыбакова: «названная система *далеко еще не всюду* примѣнена въ цѣляхъ инородческаго просвѣщенія и самое примѣненіе ея не вездѣ совершается правильно» ***). Болѣе полно и послѣдовательно эта система примѣнена въ Казанскомъ краѣ и вообще среди татаръ, благодаря твердой постановкѣ ея здѣсь трудами самого Ильминскаго. Затѣмъ слѣдуетъ среднее Поволжье, гдѣ мы имѣемъ прекрасно поставленную, благодаря дѣятельности ближайшаго сотрудника Ильминскаго, Яковлева, Симбирскую чувашскую школу. Чуваши изъ среды другихъ инородческихъ народностей выдаются сравнительнымъ многолюдствомъ лицъ, получившихъ среднее и даже высшее образованіе ****). Гораздо въ меньшихъ размѣрахъ примѣняется система Ильминскаго къ дѣлу просвѣщенія вотяковъ и черемисъ, особенно въ предѣлахъ Вятской губерніи; единственный мѣстный разсадникъ инородческихъ учителей, Карлыганская вотская центральная школа, даже и находится въ мѣстности, совсѣмъ не соотвѣтствующей ея цѣли.

Что касается отношеній къ системѣ Ильминскаго со стороны лицъ, близкихъ къ дѣлу просвѣщенія инородцевъ и дѣйствующихъ на этомъ поприщѣ, то здѣсь мы наблюдаемъ какія-то двусмыслен-

---

*) Стр. 19—20.

**) См. выше слова отчета: «черемисы и вотяки такую только школу считаютъ хорошей» etc.

***) «Русское просвѣщеніе и магометанская пропаганда въ с. Гондырѣ». Спб. 1900, стр. 2.

****) Иванъ Михеевъ, «Вотскіе переводы и учителя», въ «Русской Школѣ» 1900 г., V—VI, стр. 200.

ныя отношенія. Съ одной стороны, системѣ Ильминскаго расточаются самыя лестныя похвалы, съ другой—мы видимъ стремленіе при всякомъ удобномъ случаѣ урѣзать примѣненіе этой системы. Особенно ярко эта двойственность сказалась, напр., на Самарскомъ «съѣздѣ дѣятелей и руководителей инородческаго просвѣщенія» 1899 года. Здѣсь съ одной стороны слышатся заявленія, что только «строгая послѣдовательность въ примѣненіи программы незабвеннаго Н. И. Ильминскаго... обезпечитъ успѣхъ великаго дѣла просвѣщенія инородцевъ *). Съ другой стороны настаивается на расширеніи времени преподаванія въ инородческихъ школахъ на *русскомъ* языкѣ, на отмѣнѣ уроковъ инородческаго чтенія въ старшихъ отдѣленіяхъ школъ; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ «нѣтъ опасности вызвать со стороны мѣстнаго населенія недовольства школою», требуютъ и «*начинать* обученіе русской грамотѣ къ русскому букварю»; постановляютъ, что въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ «обученіе должно вестись знающимъ инородческій языкъ учителемъ *изъ русскихъ*». Когда присутствующіе на съѣздѣ священники *изъ инородцевъ* высказываются противъ устраненія инородческихъ языковъ изъ курса двухъ старшихъ отдѣленій школы, то имъ указываютъ, что «священники изъ инородцевъ..., взявшіе на себя бремя пастырской дѣятельности среди своихъ единомышленниковъ, *должны*, по долгу службы... *включить ихъ* (своихъ единоплеменниковъ) *въ великую русскую семью*». Когда одинъ изъ священниковъ-инородцевъ (о. Петровъ) произноситъ глубоко прочувствованную рѣчь о необходимости преподаванія на *родномъ* языкѣ учениковъ, то онъ принужденъ въ своей рѣчи нѣсколько разъ «извиниться» «за свое *увлеченіе*»... Въ заключеніе съѣздъ по нѣсколькимъ пунктамъ сильно урѣзалъ примѣненіе системы Ильминскаго.

Нерѣдко также встрѣчаемъ мы въ дѣятеляхъ на почвѣ инородческаго просвѣщенія полное незнакомство съ какими-бы то ни было системами и веденіе дѣла «какъ Богъ на душу положитъ». Это незнакомство сильно сквозитъ во многихъ оффиціальныхъ отчетахъ **). Иногда систему Н. И. Ильминскаго смѣшиваютъ съ его школьными программами ***), что̀, въ виду извѣстнаго намъ отноше-

---

*) Телеграмма Вл. Саблера. Пользуемся изложеніемъ хода дѣлъ на Самарскомъ съѣздѣ въ журналѣ «Странникъ» за 1899 годъ. Въ высшихъ сферахъ отношеніе къ системѣ Ильминскаго, кажется, нѣсколько болѣе опредѣленно; кромѣ приведенныхъ словъ Саблера, укажемъ на теплыя воспоминанія о Н. И. Ильминскомъ К. П. Побѣдоносцева, небольшой отрывокъ изъ которыхъ мы привели выше.

**) Нѣкоторые изъ нихъ мы цитировали выше.

***) *Рыбаковъ*, «Исламъ и просвѣщеніе инородцевъ въ Уфимской губ.», стр. 21.

нія Ильминскаго ко всякаго рода программамъ, равносильно отрицанію всей его системы.

Не имѣя, такимъ образомъ, возможности дать сколько-нибудь полную оцѣнку жизненнаго значенія просвѣтительной системы Ильминскаго на основаніи *фактическихъ* данныхъ, мы воспользуемся для этой цѣли отзывами лицъ, наиболѣе близко стоящихъ къ инородцамъ и потому болѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ прежде всего драгоцѣнное свидѣтельство въ изданномъ вятскимъ земствомъ, на основаніи опроснаго обслѣдованія, «Изслѣдованіи положенія начальнаго народнаго образованія въ Вятской губерніи» *): вопросъ объ обученіи инородцевъ «корреспондентами очень часто сводится къ пожеланію, чтобы преподавателями въ инородческихъ школахъ были-бы сами *изъ инородцевъ*». Дальнѣйшія указанія относятся къ смѣшаннымъ школамъ, гдѣ обучаются инородцы рядомъ съ русскими, именно указаніе, что для обученія инородцевъ мало даже и 4-хъ-годового курса; оно комментируется статистическими цыфрами: процентъ окончившихъ курсъ въ отношеніи къ общему числу учащихся—у русскихъ 12,3%, у татаръ 8,6%, черемисъ 7,1%, вотяковъ 4%; обучавшихся въ школѣ 4 года и болѣе (т.-е. выше нормы) среди окончившихъ курсъ—русскихъ 19,4%, черемисъ 31,2%, вотяковъ 53,7%.

По нашему мнѣнію, самое существованіе такихъ смѣшанныхъ школъ нежелательно и можетъ быть допущено только какъ компромиссъ, при отсутствіи спеціально-инородческой школы: раціональное разрѣшеніе вопроса о языкѣ преподаванія въ такихъ школахъ, особенно въ младшихъ отдѣленіяхъ, слишкомъ трудно и даже невозможно. Иванъ Михеевъ, самъ вотякъ, указываетъ еще на то, что «русскіе учителя и русскіе вообще во всѣхъ отношеніяхъ ставятъ вотяковъ **) ниже себя и часто относятся къ нимъ презрительно ***)», фактъ очень вѣроятный: уровень образованія учителей въ инородческихъ школахъ, какъ мы это отчасти видѣли и выше, далеко не высокъ.

О необходимости преподаванія въ инородческихъ школахъ на родномъ языкѣ учениковъ очень вѣрную мысль высказываетъ тотъ-же И. Михеевъ: только при этомъ условіи школа можетъ имѣть *развивающее* вліяніе на учениковъ съ перваго-же дня пребыванія въ ней этихъ послѣднихъ; иначе не избѣжать чисто механическаго заучиванія и вмѣстѣ громадной потери драгоцѣннаго времени; то и

*) Вып. I, Вятка, 1900 года.

**) И черемисъ,—прибавимъ мы отъ себя (но не татаръ).

***) Цит. выше ст., стр. 203.

другое можетъ оттолкнуть инородцевъ отъ школы. Эту мысль, впрочемъ, имѣлъ въ виду и Ильминскій. Здѣсь-же укажемъ, что представители черемисской секты Кугу-Сорта указывали, какъ на одну изъ причинъ своего отпаденія отъ православія на то, что они «не понимаютъ церковно-славянскаго языка, а духовенство не знаетъ ихъ языка» *). Наконецъ, объ успѣхѣ инородческихъ переводовъ говоритъ, со словъ одного вотскаго учителя, г. Михеевъ: «вотскія книги покупаются и читаются вотяками очень охотно» **); между тѣмъ вотяки—народъ, очень отставшій въ дѣлѣ просвѣщенія даже и по сравненію съ другими инородческими племенами.

Д. Зеленинъ.

---

*) «Историч. Вѣстникъ» 1895 года, IX, стр. 728; ст. *С. М. С—ва*, «Черемисское языческое вѣроученіе Кугу-Сорта».

*) *Ib., 195.